

ГЛАВА 1

«Причина язвы желудка не в том, что вы едите, а в том, что ест вас».

Я посмотрела на доктора:

— Филипп Андреевич, у меня ничего не болит.

Эскулап нежно погладил рукой тетрадь в мягкой желтой обложке.

— Душа моя! Начнем заново. Какое сегодня число?

Я напрягла память и поняла, что ничего не помню. Взгляд упал на открытое окно, за которым буйно цвела сирень.

— Май! — обрадовалась я.

— Июнь, но почти угадали, — похвалил меня Филипп Андреевич, — увидели сирень и сообразили.

— Доктор Маслов, подойдите на ресепшен, — раздался откуда-то приятный женский голос.

Доктор встал:

— Танечка, можете посидеть пару минут в одиночестве?

— Конечно, — улыбнулась я.

— Не испугаетесь? У меня тут скелет стоит!

— Он не настоящий, — засмеялась я.

— А многие боятся, — усмехнулся врач и покинул кабинет.

И зачем ему держать в кабинете то, что нервирует больных?

Долго раздумывать над этим вопросом я не стала, огляделась по сторонам и взяла со стола тетрадку. На ней было написано: «История болезни Сергеевой Татьяны».

История болезни? До сих пор я считала себя абсолютно здоровой. Я поежилась и открыла тетрадь.

«Состояние после двухнедельной комы». По моей спине пробежал озноб. Документ был заполнен от руки. Но вопреки всем анекдотам про почерк врачей я легко разобрала каждое слово. Похоже, Филипп Андреевич увлекался каллиграфией, буквы он писал так, что любой японец мог бы прийти в восторг от красоты их начертания. Понимая, что Маслов вот-вот вернется, я быстро посмотрела историю болезни. И вскоре мне стало плохо, закружилась голова, к горлу подступила тошнота.

Стало ясно, как я оказалась в кабинете Маслова. В конце мая я ехала в машине своего любовника Леонида Ильича Коровина. Тот не справился с управлением и врезался в дерево. Леонид погиб на месте. Удивительно, но я, сидя около водителя, не получила ни одной царапины, зато потеряла сознание и не приходила в себя четыр-

надцать дней. И что самое удивительное, в мед-центр меня поместила свекровь, мать моего мужа.

— Я занят с пациенткой, — долетел из коридора голос Маслова. — Освобожусь, и поговорим.

Я закрыла свою историю болезни и вернула ее на место.

Через секунду в комнате возник Филипп Андреевич.

— Простите, Танечка. Давайте вернемся к нашей беседе. На чем мы остановились?

Я попыталась собраться с мыслями. Что говорил Маслов перед уходом? Почему он ушел? Вроде его куда-то позвали...

— Танюша, — нежно произнес хозяин кабинета, — сконцентрируйтесь, попытайтесь, душа моя, сообразить... Ну?

— Не получается, — пробормотала я. — Вы говорили... про мясо... вроде.

— Ерунда, душенька, мы справимся, — успокоил меня врач. — «Причина язвы желудка не в том, что едите вы, а в том, что ест вас». Вот главное, что многие забыли.

— У меня ничего не болит, — вякнула я.

— В анамнезе у вас есть язва, — уточнил доктор. — Ранее считалось, что сия неприятная болезнь, способная даже привести к смерти, вызывается исключительно неправильным питанием. В зоне риска были любители острого, жирного, соленого, копченого. Потом выяснилось, что недуг вызывает бактерия.

— Хеликобактер пилори, — неожиданно осе-
нило меня.

Маслов заплодировал.

— Верно. Ну и ну! Только что вы уверяли, буд-
то начисто все забыли.

— Я помню свое имя, — ответила я. — Откуда
знаю про возбудитель язвы желудка, для самой
загадка, — смутилась я. — Язык помимо воли
это произнес. О! Вот еще что выплыло из тьмы.
Врачи считают, что большое значение имеет мо-
ральное состояние пациента. Если он нервнича-
ет, злится, «ест себя», то труднее вылечивается.

— Ай, молодец, — обрадовался Маслов, — не
знай я, что вы учительница русского языка и ли-
тературы, подумал бы, что вы доктор. Отлично
материал изложили. Откуда столь обширные по-
знания?

Я пожала плечами:

— Понятия не имею. Словно кто-то подска-
зал.

Филипп Андреевич потер руки:

— Прекрасно. Давайте выясним, что еще вам
этот «кто-то» мог нашептать. Что вы можете о се-
бе сообщить?

— Меня зовут Таня Сергеева, — ответила я. —
Работаю в школе.

— Bravo, — восхитился Маслов.

— Сами только что назвали мою профес-
сию, — вздохнула я.

— Сколько вам лет?

— М-м-м, — промычала я, — ну... раз я педагог... значит, окончила вуз... мне точно за двадцать.

— Гениально, — восхитился эскулап. — Почтнее получится?

— Наверяд ли, — призналась я.

— Так, попробуем с другой стороны. Имя Этти вам знакомо?

Я уставилась в окно. Этти?

— Мать Миши, — подсказал врач, — ваша свекровь...

Меня словно стукнули по голове медным тазом, в голове взорвалась граната. На секунду свет померк, затем перед глазами запрыгали разноцветные огоньки, меня затошнило, комната завертелась, потолок поменялся с полом.

— Этти! — закричала я. — Ну конечно! Этти!

Со свекровью мне повезло феерически. В свое время бабы в учительской рассказывали про такое! Кровь сворачивалась в жилах, а по спине тек холодный пот от услышанного. Бесконечные упреки матерей мужей типа: «Вижу, что сын сильно ошибся в выборе жены», поджатые губы, кислые мины... Как назло, мужья обожали своих мамаш и каждый раз заявляли супругам: «Не смей спорить с мамой, у нее разболится голова». У всех свекровей моих коллег были слабое здоровье, ранимая нервная система и ядовитые зубы, которые они пускали в ход, только когда оставались с невесткой наедине.

Этти оказалась другой. Начнем с того, что я не знаю, сколько ей лет. Своего сына она родила неизвестно от кого. Вернее, свекровь, естественно, знает имя отца Миши, какое-то время она состояла с ним в браке, но распространяться о бывшем супруге не любила.

— Мы с Ильей прожили всего ничего, — как-то в минуту откровенности призналась она, — а когда он сбежал от меня и крохотного Мишки и не оставил ни копейки денег, я вдруг поняла, что совсем не знала своего супруга. Поэтому теперь говорю: мой сын родился неизвестно от кого, то есть от неизвестного!

Когда я в первый раз увидела свекровь, то приняла ее за сестру жениха. На кухне стояла тоненькая хрупкая девочка с копной каштановых кудрей.

— Это Этти, — улыбнулся Миша и, видя мое недоумение, добавил: — Моя мама, твоя будущая свекровь.

— Здравсте, — растерянно брякнула я, весьма удивленная тем, что Михаил представил мать по имени, без отчества и всяких церемоний.

— Привет, — весело ответила Этти, — топай к столу. Ты чай с чем любишь, с лимоном или с вареньем?

С первой минуты Этти стала вести себя так, словно мы были одногодками. Спустя несколько месяцев мне стало казаться, что Этти чуть больше двадцати, она не занудничала, не поучала меня,

не совала нос в кастрюли, не поджимала губы при виде плохо выглаженной рубашки Миши, наоборот, спрашивала:

— Не надоело утюгом махать? Да брось, и так сойдет. И вообще, пусть он сам гладит, мужиков баловать нельзя.

Свекровь частенько подсовывала мне в карман денежки, приговаривая:

— Мишке не говори, это наше с тобой дело. Знаю, знаю, небось новую помаду купить мечтаешь.

Родная мать не заботилась обо мне так, как Этти, она вечно дарила какие-то милые пусячки, а приходя в гости, всегда приносила шоколадные конфеты. Этти единственный человек, перед которым я не стесняюсь раздеться. Меня смущал даже Миша, я всегда старалась нырнуть первой под одеяло, пока муж принимал душ. А с Этти я спокойно хожу в баню...

Свекровь работает переводчицей, знает в совершенстве три языка, легко переходит в разговоре с немецкого на французский, а если надо, на английский. Миша же не получил высшего образования, ему не достались материнские мозги.

Отец Этти был известным ученым, а мать поэтессой, в ее случае природа отдохнула не на детях, а на внуках. Миша был... Я замерла. Миша был... Почему я говорю о муже в прошедшем времени? Миша был замечательным, добрым, ласковым человеком, он много читал, но у него не

было способностей к систематическим занятиям. Большинство родителей, увидев в дневнике у чада сплошные двойки, примутся наказывать ребенка, топтать ногами и орать:

— Вспомни, из какой ты семьи! Не смей позорить память о бабушке и дедушке. Немедленно берись за ум, ты должен поступить в институт!

Девяносто девять из ста матерей поведут себя именно так, но Этти оказалась сотой, она спокойно спросила у Миши:

— Ты хочешь поступить в вуз?

— Нет, — испугался он, — лучше в техникум, мне автодело нравится.

И Этти отвела сына, куда он хотел.

Муж говорил, что его никогда не ругали, не ставили в угол, не читали ему нудных нотаций. Если честно, я завидовала супругу: мое детство было другим, мне не позволялось иметь собственного мнения. Родители сами выбрали будущую профессию для дочери, мне велели идти в педвуз. Представляю, какую истерику могла закатить мать, услышь она от меня фразу вроде: «Хочу стать портнихой» или «Мечтаю учиться на парикмахера». Да она бы сначала грохнулась в обморок, ну а потом начала бы вопить: «Интеллигентная девочка обязана иметь диплом о высшем образовании. Вспомни о родителях, дедушке-ученом, бабушке...» Впрочем, нет, Анна Семеновна не тот человек, которого можно поставить в пример. Она всю жизнь варила суп, пекла пироги, жарила

котлеты. На взгляд моих родителей, мать отца не достигла никакого успеха, родители презирали скромную старушку, что, впрочем, отнюдь не мешало им лакомиться вкусными борщами, лопать великолепные пирожки и надевать чистые, старательно отглаженные вещи. Бабушка считалась в нашей семье домработницей, ее охотно ругали за ошибки и никогда не хвалили. Отец звал ее коротко: «мать», а моя мама величала свекровь: «Анна Семеновна», ни разу на моей памяти она не обняла и не поцеловала ее, всегда говорила с ней холодно-вежливым тоном. Доживи мать до моего замужества, восторга при виде зятя она бы не испытала. Миша-то лапоть, без диплома о высшем образовании, его место у туалета.

Вот Этти другая, много вы найдете свекровей, которые, похоронив сына, окружают невестку-вдову любовью? Этти после смерти Миши поддерживает меня, если честно, то сейчас я просто живу за ее счет... Конечно, пытаюсь быть ей благодарной, но что я могу? Убрать квартиру, помыть окна... И это все. Правда, я стараюсь изо всех сил, взвалила на свои плечи тяжелую физическую работу, таскаю Этти картошку, драю унитаз и ванну, мне очень хочется отплатить ей за добро, но это такая малость по сравнению с теми моральными и материальными подарками, которые я получаю от свекрови.

Я замерла, слова, которые лились потоком, закончились.

— Потрясающе! — ахнул врач. — Люди считают двухнедельную кому ерундой. Не год человек на аппаратах лежал. Ан нет. Даже сутки, которые вы провели в состоянии измененного сознания, могут нанести вам непоправимый урон. Восстановление займет месяцы, годы! А вы идете на поправку семимильными шагами, прямо бегом! Что еще вы помните?

— Миша, — протянула я, — мой муж... он ведь умер! А Этти... Что-то с ней произошло... не знаю! Так странно. Вдруг в моей голове взорвался фейерверк. И я вижу свекровь. А сейчас снова туман клубится. Что со мной случилось? Как я очутилась в этой клинике?

ГЛАВА 2

— Все хорошо, дорогая, — заулыбался Маслов, — вам надо отдохнуть.

— Я хочу знать правду, — возразила я.

Маслов склонил голову к плечу:

— Не думаю, что сейчас вам нужен шоковый удар.

— Все так плохо? — испугалась я. — Тем более расскажите, а то я с ума сойду от пустоты в голове.

— Хорошо, — после короткой паузы согласился хозяин кабинета и заговорил.

Чем дольше я слушала доктора, тем хуже себя чувствовала. Оказывается, я ушла с работы,

потому что мне надоело сеять зерна разумного, доброго, вечного в мозгах глупых детей, которые совершенно не желали читать ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Гоголя. Да еще у меня сложились конфликтные отношения с коллегами, которые все были намного меня старше. Последний год я провела дома, где тихо дурела от безделья. О домашних делах я никогда не беспокоилась. Пылесосил квартиру, гладил белье, ходил за продуктами мой муж, готовила свекровь. Этти привозила нам судки с вкусной едой и загружала их в холодильник. Чем занималась я? Ела то, что было в холодильнике, смотрела шоу по телевизору, спала и в результате здорово растолстела. А еще я стала закатывать скандалы Мише, обижаться, что он занят работой, а не мной. В конце концов свекровь не выдержала и силой вытолкнула меня на работу. Рассказывая Маслову о том, что происходило в ее семье, Этти объяснила:

«Мне не трудно содержать двух человек. Танюша не очень много получала, сами знаете, какие у учителей зарплаты. Кошка и то больше нарыдает. И Миша не принадлежал к специалистам, которые миллионы получают. Я им всегда подбрасывала денег, вкусные продукты, всякие милые мелочи. Но Таня должна была выйти на службу. Я понимала, что, сидя дома, невестка заболеет, получит от непомерного потребления сладкого диабет второго типа, превратится в кучу, от безделья начнет все сильнее и сильнее пи-

лить мужа, и брак рухнет. Не из вредности или корысти я спихнула невестку с дивана. Ради блага их семьи старалась. И вот что получилось!»

Маслов прервал рассказ и стал наливать в стакан воду из бутылки.

— Что получилось? — переспросила я.

Филипп Андреевич сделал глубокий вдох и продолжил.

Свекровь нашла мне место в фирме Леонида Ильича Коровина, своего знакомого. Меня посадили в маленькой комнате, вменили в обязанность проверять на грамотность тексты, которые сочиняли сотрудники отдела рекламы и пиара. Креативность у молодежи была через край, а вот грамотность хромала на все ноги и в придачу болела эпилепсией. Но я недолго занималась нудным делом. Через неделю после устройства на работу я, выпив в буфете кофе, пошла к лифту и столкнулась в коридоре с пожилым, но вполне бодрым мужчиной. Тот стал задавать новой сотруднице разные вопросы. Я хорошо воспитана, не глупа и не поинтересовалась, с кем говорю, просто вежливо ему ответила. На следующий день меня вызвали в отдел кадров и огорошили назначением личным помощником владельца предприятия. Любопытным незнакомцем оказался сам Леонид Коровин.

Не прошло и двух месяцев, как отношения мои и Коровина вышли за рамки уставных, превратились в интимные. Этти умудрилась перевы-

полнить задачу, которую перед собой поставила: невестка слезла с дивана, и теперь она на него даже не садилась, потому что почти перестала забегать домой. Миша молчал, делал вид, что ничего не происходит, свекровь впервые в жизни растерялась. А я, похорошев, повеселев, с утра до ночи находилась на работе. И, если уж совсем честно, я не всегда спала в супружеской кровати. Старый, но богатый Леонид Ильич показался мне намного привлекательнее молодого бедного Миши.

У меня снова закружилась голова.

— Я изменила мужу?

— Да, — кивнул Филипп Андреевич, — уж извините. Понимаю, вы неловко себя чувствуете, но...

— Невероятно, — прошептала я, — с трудом в это верится. Понимаете... э... ну...

— Говорите спокойно, — приободрил меня Филипп Андреевич, — доктора не надо стесняться.

— У меня лишний вес, — пробормотала я, — поэтому я никогда не считала себя красавицей. Одежда на мне сидит плохо, купить ее — проблема, на толстух шьют нечто мешкообразное, серо-буро-малинового цвета. Видела один раз программу «Модный приговор», там стилисты нарядили тетку, типичного слонопотама, в ярко-голубое платье, повесили ей на шею колье. Еще она выходила в джинсах с узкими штанинами и свитере до колен. Выглядела прекрасно. Я ре-

шила приобрести себе такой же наряд, но не нашла в магазинах ничего подобного.

— Танечка, вы таковы, каковы есть, — улыбнулся Филипп Андреевич, — громоздкость фигуры существует лишь в вашей голове. Вы носите, думаю, пятидесятый размер. Такой у большинства российских дам. А что касается...

— Не угадали, — перебила его я, — у меня пятьдесят шесть-восемь.

— А что касается, — повторил Маслов, — господина Коровина, он обожал корпулентные фигуры. Только не говорите того, что хотите сказать.

— Вы знаете, что я собираюсь сказать? — фыркнула я.

— Конечно, — кивнул врач. — Вы сейчас запоете: «Я уже не молода, тридцатилетие на носу...» Леониду Ильичу семьдесят. Вы для него сочный сладкий персик... Он был уже не молод.

— Был, — повторила я.

Маслов развел руками:

— Увы! Коровин погиб в автомобильной катастрофе, а вы остались невредимы. Вас привезли на «Скорой» в муниципальную клинику и, обнаружив, что никаких травм или угрозы вашей жизни нет, оставили лежать на каталке в коридоре. Вам надо каждый день молиться за свекровь. Она мне рассказала, что позвонила сыну домой, хотела поговорить с вами. Миша сказал:

— Танечка сегодня не ночует дома.

Этти ощутила беспокойство.

— Миша, случилась беда.

— Ты же знаешь, Танюша очень много работает, — деликатно ответил сын, — она завтра вернется.

Но Этти принялась обзванивать больницы и нашла невестку, которая впала в кому.

— Этти меня определила к вам, — пробормотала я.

— Верно, — кивнул Филипп Андреевич, — вы умница, не переживайте. Я знаю людей, которые, забыв прошлое, прекрасно живут дальше.

— Намекаете, что я никогда не восстановлюсь? — уточнила я

— Кто это сказал? — делано возмутился доктор. — Вы демонстрируете успехи. Вспомнили Этти, мужа, своих родителей, бабушку.

— Ну да, — проямлила я, — а вот момент аварии начисто забыла.

— Отлично, — вдруг рявкнул Маслов, — зачем держать в уме травмирующие воспоминания о том, как Леониду оторвало голову?

— Оторвало голову? — повторила я.

— Нет, нет, немедленно это забудьте, — приказал доктор. — Я абсолютно уверен: вы впали в кому из-за того, что провели пару часов в машине рядом с изуродованным трупом.

Книжный шкаф, который стоял у противоположной стены, стал качаться, я вцепилась в под-

локотники кресла. И вдруг поняла: мое состояние не связано с рассказом о страшной смерти Коровина. Я ничего не помню. Леонид Коровин для меня всего лишь имя-фамилия.

— Не можете вспомнить своего любовника, — догадался Маслов, открыл письменный стол и положил передо мной фотографию.

— Узнаете?

— Конечно, я вижу себя, — после небольшого колебания ответила я, — хотя...

— Если что-то вас тревожит, удивляет, сразу сообщите мне, — велел эскулап.

— Очень уж я тут толстая, — вздохнула я, — и платье старое, вроде я уже не ношу его.

Я умолкла. Что не так на снимке? Почему он мне кажется странным? Вроде обычное фото. Я в темно-синем сарафане, в руках сумка, из которой торчит полотенце.

— У машины стоит Леонид, — пояснил Маслов.

Я уставилась на немолодого мужчину, смело одетого в розовые брюки и голубую рубашку.

— Никаких эмоций, — пробормотала я.

— Они появятся, — заверил Филипп Андреевич, — хотя иногда лучше, когда чувства присыпаны душевной анальгезией, как угли пеплом.

Я зевнула, один раз, другой, третий...

— Вы устали, — констатировал врач, — пора отдохнуть.

ГЛАВА 3

Очутившись в своей палате, я пошла в сан-узел, хотела посмотреть в зеркало и обнаружила, что его нет. На стене между стаканчиком для зубных щеток и мыльницей висела картинка с изображением водопада.

Я вышла в коридор, подошла к стойке, за которой сидела медсестра, и сказала:

— Простите, пожалуйста!

Девушка в белом халате подпрыгнула на стуле, захлопнула книгу и выдохнула:

— Вот напугали!

— Простите, я не хотела, — смутилась я, глядя на обложку.

Медсестра читала книгу Смоляковой.

— Очень старый детектив, — неожиданно сказала я.

— Почему? — удивилась дежурная. — Вчера купила его у метро.

— Можно посмотреть роман? — попросила я, потом взглянула на бейджик на ее халате и добавила: — Надя, я аккуратно книгу полистаю.

— Пожалуйста, — разрешила блондинка.

Я взяла криминальное чтиво в потрепанной обложке и увидела год издания. Почему-то мне стало не по себе.

— Надя, какое сегодня число?

— Не поверите, ни день недели, ни дату не помню, — захихикала медсестра, — прямо день

сурка. Встала, кофе попила, градусники-лекарства раздала, и понеслось так до ночи, завтра то же самое и послезавтра. Все сутки похожи, как яйца. Календарик висит на стене.

Я подошла к глянцевому календарю, увидела красное окошечко и опять занервничала.

— Что-то не так...

— Позвать врача? — спросила медсестра. — Опишите свое самочувствие: голова болит, кружится, сердце трепыхается, затылок тянет, душно, нос заложило...

— Ничего такого, — успокоила я ее, — просто я волнуюсь. Душевного спокойствия нет.

— Забейте, — махнула рукой Надя, — тут все такие. Нервные. Вы, наверное, устали.

— Есть немного, — призналась я.

— Ложитесь спать, уже поздно, — посоветовала Надежда. — Любите кефирчик?

— Да, — кивнула я.

— Сейчас принесу, — пообещала медсестра, — умывайтесь пока.

Я вздохнула:

— У меня в санузле нет зеркала. Наверное, кто-то разбил, а новое повесить не успели. Немного неудобно, что не можешь себя видеть.

— Зачем вам на свое отражение любоваться, — хихикнула Надежда, — небось миллион раз свою мордочку обозревали. Ничего нового не увидите. Вы красавица.

— Спасибо, — засмеялась я и пошла по коридору в сторону двери с табличкой WC.

— Танечка, ваша палата напротив поста, — напомнила Надя.

— Это я пока помню, — сказала я, — хочу зайти в туалет.

— Он для сотрудников, — пояснила Надя, — у вас в палате свой унитаз есть.

— В служебный санузел больным запрещено заглядывать? — уточнила я.

— Что вы, — опешила Надежда, — разве у нас тюрьма? Можете бродить где душе угодно, все открыто, кроме кабинетов врачей и шкафов с лекарствами. Просто в нашем туалете кафель и сантехника дешевые...

— Пустяки, — отмахнулась я и вошла в сортир.

Помещение и впрямь выглядело аскетично. Сразу у двери стояло два бачка с новыми и использованными бахилами. Над ними висел приказ: «Как вошел, надень! Перед уходом сними». В кабинке стоял простой унитаз с бежевым пластмассовым кругом. К стене был прикреплен держатель с рулоном серой дешевой туалетной бумаги. Рукомойник тоже был не из дорогих, слева и справа от него висели полочки. На одной стояла бутылка с этикеткой «Антисептик», на другой — дозаторы с гелем и какой-то бордовой жидкостью. Зеркала не было. Вместо него висело объявление: «Медперсонал! После посещения

уборной сначала тщательно обработайте руки синим мылом, потом используйте красное. Смойте. Высушите. Нанесите дезинфицирующий состав. Не ополаскивайте. Не путайте последовательность действий: синее мыло — красное — мирамистин. Внимание! После выхода в коридор обязательно снимите бахилы. Персонал, который не соблюдает правила, будет первый раз строго предупрежден, во второй оштрафован, в третий уволен».

Я вернулась на пост:

— Строго здесь у вас!

— Вы про плакатики? — спросила Надя. — У нас такие во всех отделениях. А как иначе? Народу кнут нужен. Хотя некоторых что бей, что не бей — толку ноль. Любите корицу?

Я удивилась неожиданной смене темы беседы.

— Да. Почему вы интересуетесь?

— Кефирчик мы даем с разными вкусовыми добавочками, — зачирикала Надя. — Лично я корицу предпочитаю. Но она не всем нравится, больные говорят: «Никогда ее в кисломолочный продукт не кладем».

— Мне тоже это не приходило в голову, — призналась я.

— Хотите попробовать? — предложила Надя. — Если не по вкусу придется, дам другой кефир, черносмородиновый.

— Пойду на эксперимент, — решительно ответила я.

— Правильно, — одобрила Надя, — а то некоторые всю жизнь одно и то же пьют-едят, надевают. Тоска зеленая. Сейчас трудные времена. Российских продуктов почти нет, все заводы в перестройку порушили, только-только они из руин встают. Все продукты импортные! Цены жуть! За кефир состояние отдать надо. Поэтому пейте и ешьте у нас побольше. У меня завтра отпуск начинается! Жду не дождусь! Такие планы! На море полечу!

Безостановочно тараторя, Надя не забывала работать руками. Под аккомпанемент собственной болтовни она открыла холодильник, вынула оттуда бутылочку с этикеткой «Кефир. Корица», налила в стакан.

— Угощайтесь.

Я сделала глоток.

— Ну как? — осведомилась Надя. — Супер, да?

— Необычно, — протянула я, — вкус не совсем кефирный.

— Выпейте, на пятом глотке распробуете и еще попросите, — пообещала медсестра.

Я послушно осушила стакан.

— Все равно странно. Специя забила вкус кефира, навряд ли я стану фанатом этого продукта. А почему в туалете нет зеркала?

Надежда махнула рукой:

— Народ безответственный. Зайдет в сортир и давай рожи корчить, волосы поправлять. Вместо пяти минут полчаса у рукомойника провер-

тится, устроит себе внеплановый перерыв. А работа стоит.

— Но и в палате нет возможности на себя посмотреть, — напомнила я.

Надя оглянулась по сторонам и понизила голос:

— Нам не разрешено правду говорить, но вы-то нормальная. У нас особая клиника. Сюда привозят тех, кто... ну... Э...

— Говорите как есть, — посоветовала я.

Надежда облокотилась о стойку:

— Иногда с человеком после операции случается неприятность. Дали ему наркоз, все хорошо, провели, например, удаление аппендикса. Не на открытом сердце работали. Никто особенно не волновался, отправили больного в стабильном состоянии в реанимацию. И! Бац! Кома! Почему? Отчего? Кабы я точный ответ знала, получила бы Нобелевскую премию. Нарушение сознания — подлая штука. Даже один-два дня пребывания в коме могут человеку нанести непоправимый урон. Предугадать ничего нельзя. Я видела больных, которые месяц пролежали без сознания и быстро восстановились. Вот вы, например, две недели в коме провели и вмиг восстали. А другой сутки провел в коматозе и еле-еле потом на ноги встал, разумом помутился. Ладно бы он тихо себя вел. Так нет! Сползет с койки, пошлепает в тубзик, глянет в зеркало и... испугается донельзя. Кто там весь бледный, синий

на него уставился? Чужой? И даст кулаком по своему отражению. Человек со скрипом соображает. Плевать на зеркало, да один раз мужику осколком вену перерезало. Вот после того случая зеркала повсюду сняли. Стекла на окнах затянули прозрачной пленкой, свет проходит, сад видно, а отражения нет.

— Понятно, — кивнула я, — но, может, разрешите в вашу пудреницу взглянуть?

— Нам запрещено их на работе держать, — отказала Надежда, — безопасность больных во главе угла.

— Слышала, что кого-то врачи специально погружают в кому, — продолжала я. — Зачем это делать, если больной может очнуться невменяемым?

Надя улыбнулась:

— Медицинская кома — другое дело. Ее используют, например, для пострадавших на пожарах. Ожоги болезненны. Перевязки превращаются в пытку не только для пациента, но и для медперсонала. Мы-то живые люди, с эмоциями. Человек кричит, его жалко невероятно, а прервать процедуру нельзя. В таком случае погрузить больного в бессознанку благо. Но из нее выходят иначе, потому что врач дозу лекарств точно рассчитывает, строго следит за показателями. Грубо говоря, больной пребывает в наркозе. Понимаете разницу?

Я зевнула:

— Более или менее.

— Спатеньки пора, — пропела девушка, — пойдемте, одеялко подоткну, песенку спою. Шутка. Ни голоса, ни слуха не имею.

Безостановочно зевая, я добрела до кровати и рухнула на нее. Надя заботливо меня укрыла одеялом, выключила свет и предложила:

— Давайте окошечко распахну. Душно в палате, а ночь такая теплая, цветами пахнет.

Слова медсестры донеслись до меня как сквозь вату.

— Угу, — пробормотала я и отключилась.

ГЛАВА 4

— Таня, Таня, Таня, — заговорил хриплый голос, — Тань, Танюша, ау, очнись.

Я села, открыла глаза и спросила:

— Кто здесь?

— Этти!

— Кто?

— Мать Миши, твоя свекровь.

Я потрясла головой:

— Никого не вижу.

— Я стою снаружи у окна. Выгляни. Только осторожно вставай. Не дай бог голова закружится.

Я сунула ноги в тапки и приблизилась к открытому окну. В саду маячила темная фигура с абсолютно белым лицом.

— Как самочувствие? — спросила она.

— Нормально, — ответила я. — Этти?

— Что-то не так?

— Или у меня с глазами беда, или у тебя рта-носа нет, — пролепетала я, — подойди поближе.

— Нет, — просипела свекровь, — я простуди-лась сильно, сопли текут. Боюсь тебя заразить. С лицом у меня порядок, я маску нацепила.

— А-а-а, — с облегчением выдохнула я.

— Слышишь, как я говорю? Словно пьяный ежик, — продолжала мать Миши, — бронхит за-мучил.

— Ой! Зачем ты пришла? — испугалась я. — Да еще ночью.

— Сейчас одиннадцать, — прокашляла Эт-ти, — это ты рано легла, наверное.

— Возможно, — согласилась я, — тут часов нет. Уезжай домой, выпей чаю с малиновым ва-реньем. Мне приятно, что ты меня навестила, но побереги себя.

— Тань, я никогда тебя не обманывала, — вдруг сказала свекровь, — ты мне как дочь.

— Знаю, — подтвердила я, — меня мать род-ная так не любила.

— И мое отношение к тебе не изменится, не-зависимо от того что случилось.

Мне стало зябко.

— Этти! Врач рассказал, что я вышла на рабо-ту и... э... короче...

— Изменила Мише, — договорила за меня свекровь. — Да, это правда.

Теперь меня охватил жар.

— Честное слово, я ничего не помню.

— Не волнуйся, все функции мозга восстановятся.

— Я не могла изменить мужу.

— Почему?

— Не такая я. Ну вообще ничего не всплывает в памяти. Филипп Андреевич фото показал. Я на нем с мужчиной. Никаких эмоций при виде любовника я не испытала.

— Танюша, врач не говорит тебе все как есть. Опасается, что ты остро отреагируешь, — перебила меня Эtti, — но я не хочу, чтобы ты правду от посторонних узнала.

Мое сердце замерло, потом быстро-быстро застучало.

— Что случилось?

— Сядь на кровать. Боюсь, ты упадешь, — велела свекровь.

На подкашивающихся ногах я добрела до постели.

— Только не волнуйся, — взмолилась Эtti.

И как вы отреагируете, услышав подобную фразу? Лично я при такой просьбе сразу понимаю: сейчас на голову бетонной плитой рухнет беда.

— Сидишь? — уточнил Эtti.

— Ага, — прошептала я.

— Дорогая, — прокашляла свекровь из сада, — еще раз говорю: ты мне как дочь. Никогда

не сердилась на тебя и впредь не стану. То, что случилось, никоим образом не повлияет на наши отношения. Моя поддержка, любовь, помощь останутся неизменными. Восстанавливайся, возвращаясь домой, я найду тебе новую работу. Во сто крат лучше прежней. С большим окладом.

— Что произошло? — пролепетала я.

— Только не нервничай. Тебя не винят в аварии, за рулем сидел Коровин. Ему давно следовало шофера нанять. Возраст не юный, реакция замедленная, плюс алкоголь в крови. Сколько он выпил?

Я растерялась:

— Не знаю.

— Неужели не видела?

— Нет.

Повисла пауза, потом Этти продолжила:

— Танюша, вы вместе сидели в ресторане.

— В каком? — спросила я.

— А названия никто, кроме тебя, не знает, — растолковала свекровь. — ГАИ обнаружила машину на шоссе после ДТП, водителю оторвало голову. Ты находилась рядом в состоянии ступора, похоже, очень испугалась.

Я молча слушала Этти. Ничего себе «испугалась»! Я, скорей всего, онемела-ослепла-оглохла от ужаса. Очутиться около обезглавленного тела — мощный стресс.

— Когда приехала машина ДПС и тебя вытащили из салона, гаишник спросил: «Ваше имя?»

Ты ответила: «Мы с Леной ужинали в ресторане. Поехали к нему домой. Где Коровин, позовите его скорее».

— Ничего не помню, — с отчаянием призналась я.

— А что накануне происходило, задержалось в твоей памяти? Ваша беседа с Мишей?

— Нет, — простонала я.

— О господи! Я думала, хоть тот разговор не выветрился.

— Этти, — взмолилась я, — перестань ходить вокруг да около. Говори начистоту. Имей в виду, у меня никаких воспоминаний нет. В голове компот! Про то, что завела любовника, я начисто забыла. Аварию тоже.

— А что ты можешь о себе рассказать? — поинтересовалась Этти. — Меня ты узнала?

Я кивнула:

— Да, да. Что еще? Миша жарит картошку с сосисками, очень вкусно у него получается. Вот!

— Отлично! — слишком бурно обрадовалась Этти. — Гениально. Ладно, слушай.

Я наострила уши. Свекровь начала излагать события. Первая часть рассказа совпала с тем, что я уже слышала от доктора Маслова. Но потом я услышала другую историю...

Сообразив, что законная жена пошла налево, Миша приехал к матери и попросил совета, как ему теперь жить? Этти попыталась починить любовную лодку, объяснила, что в измене вино-

ваты оба супруга. Наверное, он был холоден с женой, невнимателен. А она обиделась, стала искать внимания на стороне. Надо им просто сесть вдвоем и поговорить. Михаил уехал в плохом настроении, неделю не общался с матерью, а потом произошла авария.

Когда сотрудники милиции сообщили родственникам о ДТП, свекровь и муж прилетели в клинику. Этти не пустили в реанимацию, а Михаилу разрешили войти. Он пробыл в палате меньше минуты, вышел с белым лицом.

— Таня умерла? — ахнула Этти.

— Нет. Скончался я, — отчеканил сын.

— Господи, что случилось? — задергалась его мать. — Доктор сказал, что она без сознания.

Миша расхохотался:

— Да ну? Я взял Таню за руку, она глаза открыла и на всю ивановскую объявила: «Доброе утро, Ленечка. Как ты спал? Люблю тебя сегодня больше, чем вчера». Ну я и ушел!

Этти никогда не теряла дар речи, но в ту минуту она не нашлась что сказать. Сын, продолжая смеяться, убежал. Мать поспешила за ним, но Миша успел первым влететь в лифт и уехать. Этти пришлось минут пять ждать кабины, когда она очутилась в вестибюле, сына и след простыл. Несколько часов Этти не могла связаться с Мишей, поехала к нему домой, открыла дверь своим ключом и увидела на зеркале листок бумаги, приклеенный скотчем. На нем было одно слово:

«Маме». Этти развернула послание, прочитала: «Я в спальне», перепугалась...

Свекровь замолчала.

— Дальше, — еле ворочая языком, попросила я.

— Миша покончил с собой, — наконец-то выговорила свекровь, — оставил тебе записку.

Послышался шорох, на подоконнике появился конверт.

— Извини, его милиционеры вскрыли. Тань?

— Слушаю, — только и смогла сказать я.

— Миша всегда отличался излишней нервозностью. Не думай, что ты его убила.

Я сидела молча.

— Он сам повесился, — продолжала Этти, — не позволяй произошедшему исковеркать твою жизнь. Не поступай, как Катя, дочь Светы, моей подруги. Она тоже мужу изменила. Федя отравился, а Катька вслед за ним отправилась, таблеток наглоталась. Не оставляй меня одну. Давай жить дальше.

— Эй, что вы в саду делаете? — забасил грубый голос.

— С невесткой общаюсь, — пояснила Этти.

— Отбой сыграли, уходите, — велел мужик, — нечего под окном прыгать. Завтра, если врач разрешит, в палате свидитесь.

— Нам поговорить надо.

— После восьми вечера посторонним запрещено находиться на территории.

— Я ее свекровь.

— Женщина, уматывайте по-хорошему.

— Прочитай и отдай мне записку, — велела свекровь.

Я кое-как поднялась, держась за стену, подошла к подоконнику, взяла конверт, вынула неровно оторванный листок и прочла: «Татьяна! Жизнь без тебя мне не нужна. Счастья тебе с Леонидом. В моей смерти виновата ты. Прощай. Встретимся в аду. Миша».

В висках застучали молоточки, под черепом зазвенело. В спину будто воткнули острый нож, он не давал возможности вздохнуть, ноги отнялись.

— Таня! — прохрипела Этти. — Я скоро вернусь. Раздался звук шагов.

Не спрашивайте, как я добралась до койки, я ничего не помню.

ГЛАВА 5

С веселым лаем Роки прыгнул мне на грудь и облизал лицо.

— Уйди, безобразник, — попросила я и взглянула на будильник. — Который час? Шесть? С ума сошел.

— И Мозес тоже, — пробормотал с другой стороны кровати муж, — давно скачет.

— Что с собаками? — спросила я.

— Напекают, что пора вставать, — зевнул супруг, — кофе хочу.

Я ощутила аромат арабики, и вдруг все завертелось перед глазами, я очутилась в трубе, пронеслась по ней и услышала:

— Танечка — душечка! Танечка — ягодка! Танечка — кисонька!

— Очень кофе хочется, — произнесла я.

Послышалось бульканье.

— Танюша, глазки распахнем! Водичка тут.

Я открыла глаза и не сразу сообразила, где нахожусь.

— Доброе утро, — ласково сказала симпатичная девушка в белом халате. — Как спалось?

— Здесь бегали собаки, — протянула я. — Две, скакали по кровати вроде и...

— Танечка, в больницу нельзя приводить животных, — перебила меня незнакомка, — вам привиделся сон. Давайте познакомимся. Я Карина, медсестра.

— Таня, — машинально представилась я, — Сергеева, начальник...

Язык замер. Начальник? Вот же глупость! С чего это мне в голову взбрело! Никогда я никем не руководила.

— Знаю вас, — затараторила Карина, — в медкарте все сведения есть, — Татьяна Сергеева, замужем, москвичка, по образованию преподаватель русского языка и литературы. Ой, как я вам завидую!

— Чему? — вздохнула я. — Кому? Потере памяти?

— Профессии, — защебетала Карина. — Наверное, учителю нужно много читать!

— Дружить с книгой полезно всем, — заметила я.

— Обожаю романы, — закатила глаза девушка, — да времени нет. Дома дел полно, на работе еще больше. А вам по службе положено любовные сюжеты изучать.

— В школе преподают классику, — уточнила я, — «Анна Каренина», «Война и мир».

— Скукотень, — поморщилась девушка, — я люблю страсти.

— В «Анне Карениной» их много, — усмехнулась я.

Карина отмахнулась:

— Ерундово написано. Нудно. Предложения длинные. В «Войне и мире» вообще половина текста на немецком.

— На французском, — поправила я.

— Однофигственно, — махнула рукой девушка, — все равно непонятно. Надо сноски, примечания смотреть. Влом это. Вот когда дело происходит в замке на берегу моря, она у него горничная, ее не замечают, а потом наконец любовь. И про постель красиво написано... Обожаю!

— Хочу только пакет забрать, — раздался из коридора сердитый голос.